

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92

Научная статья / Research paper

В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин*

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ «СТОЛЕТИЯ+» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

В центре внимания авторов исследования находится комплекс вопросов, связанных с оценкой ключевых трендов развития Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), который был поднят в статье академиков РАН В.Г. Барановского и В.В. Наумкина, увидевшей свет в 2018 г. Авторы ставят перед собой задачу оценить сформулированные в этой статье оценки и прогнозы с точки зрения последних событий в регионе и, отталкиваясь от этого, порассуждать о перспективах развития ситуации в БВСА. В соответствии с такой постановкой задачи в первой части исследования авторы последовательно разбирают основные выводы статьи 2018 г. Показано, какие из выделенных в ней глобальных и региональных трендов сохранили актуальность в современных условиях, а какие нуждаются в серьезном переосмыслении. В частности, отмечено, что тенденция к универсализации региональных политических систем на основе их общей модернизации всё чаще сталкивается с контртенденцией в виде возрождения архаичных социально-политических практик. Еще больше события последних лет отразились на процессах демократизации и на дихотомии трендов глобализации/регионализации. Как подчеркивают авторы, эти изменения не являются полностью непредвиденными, а, напротив, предстают вполне объяснимыми, если взглянуть на них через призму концепции неомодерна. Во второй части статьи представлен анализ современных трендов регионального развития. Показано, что на фоне постепенной деэскалации наиболее острых региональных конфликтов на пространстве

** Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН; доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru); Наумкин Виталий Вячеславович — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональных проблем факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; научный руководитель Института востоковедения РАН (e-mail: director@ivran.ru).*

БВСА нарастают центробежные тенденции и усиливается дифференциация политических систем и режимов. В этой связи новое звучание приобретают дискурсы деколонизации и неокOLONIALИЗМА, усиливается роль символической политики.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, арабский мир, мегатренды, неомодерн, арабский национализм, политический ислам, неокOLONIALИЗМ, деколонизация, глобализация, регионализация, символическая политика, архаизация

Для цитирования: Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.

Vasilii A. Kuznetsov, Vitalii V. Naumkin

**GLOBAL AND REGIONAL TRENDS
OF THE CENTURY+ IN THE MIDDLE EAST:
A NEW INTERPRETATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The study focuses on a set of issues related to the assessment of key trends in the development of the Middle East and North Africa (MENA), which has been raised in the research published by Russian academicians V.G. Baranovskii and V.V. Naumkin in 2018. The aim of this paper is to reexamine their estimates and forecasts in the light of recent developments and on this basis to take a fresh look at the future of the MENA region. To that end, the first section of the paper revisits the main findings of the 2018 research. It shows which of the global and regional trends outlined there have retained their relevance under modern conditions, and which ones need serious reappraisal. In particular, the authors note that the trend towards the universalization of regional political systems stemmed from their overall modernization is being increasingly counterbalanced by the revival of archaic socio-political practices. The recent developments in the region have had an even greater impact on the process of democratization and the globalization-regionalization dichotomy. The authors argue that these changes were not completely unforeseen; on the contrary, they were anticipated if one looks at them through the lens of neo-modernism. The second section analyzes current trends in regional development. It shows that though the

most acute regional conflicts in the MENA region are gradually de-escalating, centrifugal tendencies are becoming more evident, as heterogeneity of political systems and regimes increases. In this context, the discourses of decolonization and neocolonialism, as well as symbolic politics in general, are gaining a whole new meaning.

Keywords: Middle East and North Africa, Arab world, megatrends, neo-modernism, Arab nationalism, political Islam, neocolonialism, decolonization, globalization, regionalization, symbolic politics, archaization

About the authors: *Vasilii A. Kuznetsov* — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru); *Vitalii V. Naumkin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Scientific Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: director@ivran.ru).

For citation: Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. 2023. Global and regional trends of the century+ in the Middle East: A new interpretation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92. (In Russ.)

В 2018 г. в журнале «Мировая экономика и международные отношения» вышла статья под названием «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития» [Барановский, Наумкин, 2018], которая вызвала оживленную реакцию со стороны экспертного сообщества. С той поры минуло лишь около пяти лет, но в течение этого срока в Ближневосточном регионе¹ произошли столь ошеломительные тектонические сдвиги

¹ Обычно разные исследователи по-разному определяют границы данного региона, который мы здесь обозначаем этим сокращенным термином. На самом деле, его территория, как мы считаем, охватывает как собственно Ближний Восток, так и Северную Африку, поэтому корректнее называть его регионом Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), как это чаще всего принято в академической среде и в профильных организациях и ведомствах. В то же время мы, предпочитая не углубляться в терминологические дебаты, оставляем в стороне термин «Большой Ближний Восток», хотя у него есть свои сторонники, а также более точный «расширенный Ближний Восток»; термин же «Ближний Восток» используем здесь лишь для удобства как сокращенное наименование (включая в него и Иран,

(как в переносном, так и в буквальном смысле, если иметь в виду ужасающее землетрясение в феврале 2023 г. в Турции и Сирии), что сейчас представляется целесообразным снова вернуться к поднятым тогда вопросам, но посмотреть на них под новым углом.

Во-первых, в рамках этой статьи предполагается ретроспективная критическая оценка выводов, сделанных в упомянутой публикации в то, казалось бы, не столь далекое время. Хотя предсказания, пусть и на краткосрочную перспективу, не должны входить в задачи исследователей, последние часто берутся за это неблагодарное дело, поэтому вполне допустимо попытаться определить, какие из оценок авторов статьи 2018 г. оказались с позиций сегодняшнего дня верными, а какие не совсем выдержали проверку временем.

Во-вторых, не опасаясь наступить на те же самые коварные научные грабли, с учетом допущенных недочетов и неточностей (а может, и достижений) хотелось бы порассуждать о такого же рода «ключевых трендах развития», которые обозначились сегодня и имеют шансы сохраниться в будущем (собственно, именно благодаря этому обстоятельству они и становятся трендами и мегатрендами).

Для того чтобы подступиться к решению этой двуединой задачи, представляется целесообразным сначала освежить размышления, опубликованные примерно пять лет назад в «статье-2018», как мы ее будем для краткости называть. С теоретико-методологической точки зрения данное исследование находится на стыке нескольких подходов, включая теорию неомодерна, приверженцем которой является один из соавторов. В то же время второй соавтор предпочитает смешивать на методологической палитре самые разные подходы и концепции, что обеспечивает синергический эффект и позволяет лучше понять архисложную реальность региона [Naumkin, 2005].

Ближний Восток пять лет спустя: прогнозы сбывшиеся и несбывшиеся

Прежде всего, следует прокомментировать заявленный в названии настоящей статьи своеобразный временной «фрэйминг» [подробнее см.: Наумкин, 2011]. Образ «столетия+» неслучаен. Он,

который в отечественной географической традиции относится к Среднему Востоку) [Регионы в современном мире..., 2020; Воскресенский, 2012; Труевцев, 2020; Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022; Арабский кризис и его международные последствия, 2014].

конечно же, отсылает к идеям известного британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, который ввел в оборот концепты «долгого XIX века» (от Великой французской революции до Первой мировой войны) и «короткого XX века» (1914–1991) [Хобсбаум, 2004: 7–27]. Авторы «статьи-2018» отталкивались именно от концепта «долгого столетия», стремясь показать, что ход событий в огромном и чрезвычайно разнородном Ближневосточном мегарегионе во многом детерминировался тенденциями, унаследованными от XX в., хотя уже тогда возникал вопрос об их серьезном перестроении [Барановский, 2016].

Образ «столетия+» призван показать органическую связь системы трендов/мегатрендов, обозначенной в «статье-2018» для 1917–2017 гг., и тенденций последних пяти лет. Именно эти пять лет стали мостиком, через наше настоящее связующим прошлое с будущим, о котором мы поговорим подробнее во второй части данной статьи и который, продолжая указанную логику, возможно, будут называть «сверхкоротким XXI веком», ограничивающимся всего несколькими годами. Впрочем, здесь нам не хотелось бы выступать в роли неких самозванных провидцев.

Для упрощенного обобщения будем исходить из двоичного членения трендовой системы — на глобальные и региональные тренды. В «статье-2018» было использовано более дробное деление. В ней справедливо утверждалось, что на протяжении столетия в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) обнаруживалось переплетение трендов различных уровней. Наиболее важные из них авторы объединили в два кластера: в одном — глобальные и региональные мегатренды, в другом — долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные региональные тренды.

Что касается трендов (и мегатрендов) глобального характера, то из них наибольшее влияние на ближневосточную реальность оказали:

- становление государственности и универсализация политических систем;
- глобализация/регионализация мировой политики;
- изменение роли Запада на мировой арене;
- формирование целостности мировой экономической системы и мирохозяйственная специализация стран и регионов;
- высокая демографическая динамика;
- модернизация и усложнение социальных структур;

- повышение значимости религиозного фактора в общественной жизни и общественном сознании;
- подъем и упадок крупных идеологических течений [Барановский, Наумкин, 2018: 6].

Как показало истекшее пятилетие, некоторые из этих трендов (высокая демографическая динамика, усложнение социальных структур) сохраняют актуальность, другие могут быть дополнены или уточнены (универсализация политических систем, модернизация, изменение роли Запада), а третьи и вовсе стоит пересмотреть.

Так, если на формальном уровне движение к универсализации политических систем и сохраняет значимость сегодня, то содержательное наполнение этой универсализации всё больше пересматривается. Появление и развитие парламентских структур, политических партий и движений, совершенствование электоральных систем, институтов гражданского общества — всё это актуальные реалии региона БВСА. Однако быстрое развитие этих институтов вовсе не отменяет значимости иных: *бай'а* (присяги), родоплеменных связей и соответствующих групп солидарности, конфессиональных сетей и т.п.

Таким образом, обычно ранее увязывавшаяся с универсализацией политических систем модернизация, хотя и сохраняется сегодня как концепт, сопровождается не только сосуществованием, но подчас и ренессансом значительного числа элементов социально-политической архаики.

Еще сложнее дело обстоит с процессом демократизации, который часто соотносят с модернизацией. Став ведущим вектором трансформационного движения в регионе, демократизация демонстрирует свою неоднозначность, вытекающую из трех обстоятельств.

Во-первых, требование демократизации всё больше используется как инструмент давления на региональные государства с целью заставить их согласиться с доминированием глобальных держав, которые позиционируют себя как образцовые демократии. При этом их режимы на самом деле далеко не идеальны и уж, во всяком случае, непригодны для всеобщего распространения. Мы имеем в виду прежде всего США, напористо эксклюзивистская и, по сути, всё более неокOLONIALISTСКАЯ политическая практика которых в последние годы вызывает отторжение не только у значительной части населения ближневосточных стран, но и у многих в самом

американском обществе, высокую поляризованность которого продемонстрировали события, связанные с движением BLM («Черные жизни значимы») и ожесточенными дискуссиями об историческом наследии страны.

Во-вторых, последние годы вернули нас к тому известному в истории региона и мира опыту, в лоне которого режимы легитимизировали присущий им авторитаризм через формально демократические процедуры.

В-третьих, в условиях конфликтной ситуации, сложившейся в отношениях между, с одной стороны, государствами Запада и, с другой, группой стран, выступающих в качестве его антагонистов, среди которых главная роль принадлежит России и Китаю, первые заговорили о якобы определяющем для этой ситуации мегатренде — противоречии между двумя лагерями: демократии в ее неолиберальной интерпретации и автократии². Ко второму лагерю они относят большинство государств БВСА и с особым рвением — те из них, политика которых не соответствует интересам самого Запада. Это оживляет в памяти времена старой холодной войны (или «холодной войны 1.0»), если рассматривать сегодняшние события как «холодную войну 2.0»). В данном случае речь не идет о том, чтобы отрицать факт столкновения в регионе демократии и авторитаризма, о чем, в частности, ярко писали некоторые наши коллеги. Приведем в пример работу К.М. Труевцева, в которой он делает вывод, что Арабское пробуждение и последовавшая за ним новая волна региональной конфликтности в арабском мире «явственно продемонстрировали обреченность и близкую конечность авторитарных политических систем» (курсив наш) [Труевцев, 2020: 312]. В то же время, по мнению исследователя, перспективы укрепления демократии в регионе БВСА весьма туманны, его будущее политическое развитие сопряжено с множеством угроз, среди которых на первый план выступают возникновение новых конфликтов и реформативное изменение государств.

В простую бинарную схему, рисуемую сторонниками господствующего неолиберального тренда в общественной мысли Запада, плохо вписываются и ряд крупных незападных государств, которые имеют основания рассматривать себя как «государства-цивилизации»

² Никифоров О. В Мюнхене обсудят миропорядок без России // Независимая газета. 16.02.2023. Доступ: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-02-16/3_8663_kb.html (дата обращения: 01.03.2023).

[Naumkin, 2021] (к ним в регионе БВСА обычно относят Турцию). Следует ли их считать антагонистами «лагеря демократии»?

Другой важнейший мегатренд, выделявшийся в «статье-2018», был связан с дихотомией глобализации/регионализации, первая часть которой понималась авторами в трех ипостасях: политической, экономической и интеллектуальной. Если политическая ее ипостась была связана с идеей о меняющейся роли Запада в мировой политике, то экономическая — с представлением о формировании целостности мировой экономической системы, а интеллектуальная — с тезисом о подъеме и упадке крупных идеологических движений. Сегодня эти выводы и наблюдения также нуждаются в уточнении.

Собственно, именно взаимоувязанные процессы глобализации и регионализации в свое время и привели к формированию Ближнего Востока как специфического региона, с одной стороны, очевидно выделявшегося на карте мира, а с другой — тесно интегрированного с иными региональными сообществами, прежде всего европейским и шире — западным. Особенности Ближнего Востока были: отсутствие одного доминирующего государства, постоянный дефицит безопасности, эксклюзивизм архитектуры региональной безопасности, низкий уровень региональной интеграции, ресурсная дефицитность, высокая конфликтность, усиливающаяся экономическая дифференциация составляющих его стран и их места в мировом хозяйстве. Слабость экономических и политических механизмов связывания этого пространства повышала значимость ценностных и идеологических факторов — отсюда особая роль арабского языка, ислама и политических идеологий (в первую очередь арабского национализма и политического ислама). При этом необходимость размежевания с Западом подталкивала Ближний Восток к подчеркиванию своей ценностно-смысловой альтернативности более могущественному соседу.

В этой картине события 2020–2022 гг. изменили главное. Политическая глобализация в том виде, в каком она существовала ранее, фактически прекратилась, и возможности возвращения к ней в ближайшей перспективе не просматриваются. Одновременно быстрый переход множества крупнейших мировых экономик к взаиморасчетам в национальных валютах³, «нормализация» санкционных

³Shagina M. Western financial warfare and Russia's de-dollarization strategy. How sanctions on Russia might reshape the global financial system. FIIA Briefing Paper. May

режимов со стороны некоторых государств Запада [Тимофеев, 2018: 36–37] и нарушение логистических цепочек в результате «украинского кризиса» обозначили расшатывание механизмов глобализации экономической. Что же касается интеллектуального компонента, то усилившаяся значимость антиколониальной повестки (см. далее) указывает на возможность распада и единого глобального интеллектуального пространства, на смену которому, вероятно, могут прийти какие-то новые школы мысли, глубоко укорененные в тех или иных культурных традициях (арабо-мусульманской, китайской, индийской и т.д.). В пользу этого свидетельствует наблюдающееся сегодня повышение интереса к незападным методологиям в гуманитарных науках.

На первый взгляд, эти события воспринимаются как «черные лебеди», внезапно меняющие мир на всех уровнях: глобальном (разрушение глобального миропорядка), региональном (изменение места различных регионов, включая Ближневосточный, в мировом хозяйстве, системе логистических связей и мировой политике) и национальном («возвращение государства» в период пандемии и после нее). Однако при более пристальном анализе можно увидеть, что если такие события, как пандемия COVID-19 и разрушительные землетрясения в Турции и Сирии в 2023 г. (их последствия нам еще только предстоит оценить), и были совершенно неожиданными, а эскалировавшие в 2022 г. конфликты (региональный (украинский) и глобальный), хотя и прогнозировались в общих чертах, оказались непредсказуемыми в своих конкретных проявлениях и особенно в степени интенсивности, то социально- и международно-политические последствия всех этих разноплановых событий вовсе не могут считаться непредвиденными. Они, в частности, не только согласуются с основными выводами, которые были сделаны в «статье-2018», но и соответствуют положениям, выдвинутым в нескольких публикациях, посвященных проблеме неомодерна [Кузнецов, 2020а, 2020б, 2019].

В этих работах к основным чертам состояния неомодерна были отнесены: поиск новых единств (на социальном, идейном, политическом и международном уровнях), проблематизация смыслов

2022 // Finnish Institute of International Affairs. P. 7. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2022/05/bp339_western-financial-warfare-and-russias-de-dollarization-strategy.pdf (accessed: 28.02.2023).

и ценностей социально-политического бытия, новая политизация исторической памяти и актуализация проблемы идентичности, рост гетерогенности международно-политических акторов, размывание границ (не только между государствами, но также между внутренней и внешней политикой) при всеобщем стремлении к укреплению суверенитета, нарастающая ирония доминирующих политических дискурсов (отказ от однозначных высказываний, попытки совместить противоположности, цитатность) и, наконец, состояние переходности, неустойчивости как характерная особенность миропорядка. Эти черты неомодерна не только не потеряли актуальности, но и, напротив, в современных условиях раскрылись еще более полно.

Тренды после «столетия+»

На региональном уровне начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось несколькими противоречивыми процессами. С одной стороны, наметилась деэскалация наиболее острых региональных конфликтов: сирийского, ливийского и йеменского. Военная фаза первого из них фактически завершилась с установлением прочного контроля правительства САР над основной территорией страны и различных оппозиционных сил — над отдельными ее частями, где были сформированы: курдская зона Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС) и контролируемые Турцией три анклава: зоны Временного правительства Сирии (ВПС), Сирийского правительства спасения (СПС) в Идлибе и созданная США «Зона безопасности» вокруг пограничного контрольно-пропускного пункта Ат-Танф. Ливийский конфликт из военной фазы перешел в политическую после достижения соглашений о прекращении огня в контексте решений Берлинской конференции 2020 г. Даже провал политического процесса после срыва выборов в декабре 2021 г. не стал поводом к возобновлению боевых действий. Наконец, в Йемене, несмотря на завершение полугодового перемирия между движением «Ансар Аллах» и правительством в начале октября 2022 г., арабская коалиция заявляет о фактическом сохранении режима деэскалации, хотя ее противники относятся к этим заявлениям с откровенным скепсисом⁴. Обращает на себя

⁴Калима ас-сайид ал-каид 'Абд ал-Малик Бадр ад-Дин ал-Хуси фи аз-зикра ас-наууйа ли-ш-шахид ар-раис Салих ас-самад 1444 г.х. — 2023 [Речь господина глав-

внимание, что ни в одной из трех ситуаций не идет речи не только об окончательном урегулировании конфликта, но и о складывании сколь-либо стабильной военно-политической ситуации.

Отчасти отмеченная деэскалация связана со снижением рискованности внешней политики ряда региональных акторов (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, ИРИ) и др. В то же время иные державы, напротив, в последние годы начали демонстрировать новую активность как на региональном, так и на глобальном уровне. Прежде всего, это касается Алжира, который после прихода к власти А. Теббуна пытается стремительно восстановить свое положение как ключевого государства Магриба и одного из африканских лидеров, что порождает сразу несколько узлов напряженности в Северной Африке⁵. Усиление дилеммы безопасности и соперничества в алжиро-марокканских отношениях [Zoubir, 2020], происходящее на фоне резкого обострения глобальных противоречий, потенциально способно стать источником новой конфликтности.

Некая зыбкость региональной ситуации становится возможной не только в силу внутренней логики конфликтов или особенностей внешней политики тех или иных государств, но и из-за резко усилившегося расхождения векторов развития четырех субрегионов БВСА: Магриба, Аравийского полуострова, Благодатного полумесяца и Долины Нила. Даже наличие некоторых центростремительных факторов регионального развития в виде Авраамовых соглашений⁶

нокомандующего Абд ал-Малика Бадраддина ал-Хуси по случаю годовщины мученика Салиха ас-Самада] // Аль-Масира. 23.02.2023. Доступ: <https://www.masirahtv.net/post/228964/%28-نص فيديو 29% كلمة السيد القائد-عبد الملك بدير الدين الحوثي في الذكرى السنوية للشهيد-28> (дата обращения: 01.03.2023). (In Arabic.)

⁵ Василенко А.И., Лукьянов Г.В. Международные организации во внешней политике Алжира // РСМД. 25.01.2023. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-organizatsii-vo-vneshney-politike-alzhira/> (дата обращения: 15.02.2023); Zoubir Y.H. Algeria's foreign policy in the post-Hirak era. Issue brief. September 2022 // Middle East Council on Global Affairs. Available at: https://mecouncil.org/wp-content/uploads/2022/09/MECGA_Issue-Brief-7_Zoubir_Final-Web-1.pdf (accessed: 01.03.2023).

⁶ См. также: Singh M. Axis of Abraham. Arab-Israeli normalization could remake the Middle East // Foreign Affairs. 22.02.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2022-02-22/axis-abraham> (accessed: 01.03.2023). Про критику соглашений см.: Hassan Z., Muasher M. Why the Abraham accords fall short. Sidelineing the Palestinians is a recipe for violence, not peace // Foreign Affairs. 07.06.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/why-abraham-accords-fall-short> (accessed: 04.03.2023).

[Звягельская, 2021], с одной стороны, и нового обращения Алжира к палестинской повестке⁷ — с другой не может изменить эту общую тенденцию. Она имеет не только политическое измерение, но и экономическое: в то время как государства, контролирующие ключевые логистические и транспортные узлы, становятся крупнейшими экономическими, иногда — технологическими хабами и военно-политическими центрами (Турция, страны Персидского залива, Египет), положение других на мировой арене, напротив, маргинализируется. Это означает не просто количественный отрыв богатых государств региона от бедных, но и отрыв качественный: если в одних случаях (ОАЭ, Катар и др.) речь идет о переходе к новому технологическому укладу, то в других — об упрощении форм экономической жизни⁸ [Валиахметова, Цуканов, 2022; Матвеев, 2022: 265–278].

Одновременно с этим четыре указанных субрегиона по-разному выстраивают отношения с иными региональными сообществами. Международное положение стран Благодатного полумесяца и Долины Нила остается несколько неопределенным. Однако последовательно укрепляющие свою роль в Азии участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в 2022 г. смогли также резко усилить влияние и на европейских рынках углеводородов⁹, что позволяет им в перспективе претендовать на особое место в складывающемся полицентричном миропорядке. В то же время всё более тесно связанный с Европой Магриб оказывается оторван от западной части арабского мира, по меткому выражению К.М. Труевцева, «ливийским рвом».

Вместе с тенденциями к размежеванию между собой различных частей региона появляется и иной тренд — ко всё большей дифференциации политических систем и режимов. И это еще один довод против упомянутой политической универсализации. Так, по мере развития арабских монархий их политические системы всё больше усложняются и становятся непохожими друг на друга. В случаях

⁷ Василенко А.И., Лукьянов Г.В. Указ. соч.

⁸ См. также: Digital trends in the Arab States region 2021: Information and communication technology trends and developments in the Arab States region, 2017–2020 // ITU. Available at: <http://handle.itu.int/11.1002/pub/8184d626-en> (accessed: 25.02.2023).

⁹ Mathews S. 'Trading places': Moscow muscles in on Saudi Arabia's oil sales to Asia // Middle East Eye. 06.12.2022. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/trading-places-moscow-muscles-saudi-arabias-oil-sales-asia> (accessed: 28.02.2023).

ОАЭ, КСА и Катара вместе со сменой поколения политических элит наблюдается усиление роли отдельных лидеров, в то же время в Кувейте довольно ощутимый вес приобрели парламентские институты [Мелкумян, 2021]. В Бахрейне укрепление влияния парламента было приостановлено в 2022 г., когда основные группы оппозиции не были допущены к участию в выборах¹⁰. В арабских республиках ситуация еще более разнообразная. Сложившаяся еще при А. Бутефлике гибридная политическая система Алжира демонстрирует устойчивость и при А. Теббуне, пусть даже результаты всех выборов при обоих президентах и указывают на чрезвычайно низкое доверие общества к власти [Кузнецов, 2022]. В Тунисе, считавшемся маяком Арабского пробуждения, с 2021 г. начался процесс консолидации власти в руках президента¹¹. Рекордно низкая явка на парламентских выборах 2022 г.¹² не помешала пока что осуществлению этого курса. В Египте, напротив, президент А. ас-Сиси запустил процесс амнистии многих противников режима¹³ и объявил о начале национального диалога с оппозицией¹⁴. Кроме того, несмотря на популярность точки зрения о восстановлении при А. ас-Сиси основных параметров политической системы Х. Мубарака, реальность показывает нечто иное. При действующем президенте принципиально меньше роль технократи-

¹⁰ 'The entire political process is fraudulent'. A legal and political study of the 2022 parliamentary elections in Bahrain // Bahrain Institute for Rights & Democracy. November 2022. Available at: <https://birdbh.org/wp-content/uploads/2022/11/The-Entire-Political-Process-is-Fraudulent-A-Legal-and-Political-Study-of-the-2022-Parliamentary-Elections-in-Bahrain-©BIRD.pdf> (accessed: 28.02.2023).

¹¹ Gobe E. Le populisme de Kais Saïed comme cristallisation de la crise du régime parlementaire tunisien [The populism of Kais Saïed as a crystallization of the crisis of the Tunisian parliamentary regime] // HAL SHS. 19.03.2022. P. 14–16. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-03613984> (accessed: 19.02.2023). (In French.)

¹² Dahmani F. Record mondial d'abstention en Tunisie: Cinq questions pour comprendre les résultats des législatives [World record of abstention in Tunisia: Five questions to understand the results of the legislative elections] // Jeune Afrique. 20.12.2022. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/1402104/politique/record-mondial-dabstention-en-tunisie-cinq-questions-pour-comprendre-les-resultats-des-legislatives/> (accessed: 28.02.2023). (In French.)

¹³ Dawoud K. Egyptian 'national dialogue' will kick off amid difficult domestic situation // MEI@75. 20.10.2022. Available at: <https://www.mei.edu/publications/egyptian-national-dialogue-will-kick-amid-difficult-domestic-situation> (accessed: 25.02.2023).

¹⁴ Egypt's National Dialogue is for all forces except the faction that resorted to killing: Sisi // Ahram Online. 04.07.2022. Available at: <https://english.ahram.org.eg/News/471062.aspx> (accessed: 25.02.2023).

ческой бюрократии, но больше значение, с одной стороны, армии, а с другой — парламента. Вместе с тем, как отмечает Б. Резерфорд, изменилась и сама основа политического режима, который теперь базируется прежде всего на способности обеспечивать безопасность [Rutherford, 2018]. В Ливане и Ираке политические системы по-прежнему находятся в кризисе и перспективы консолидации власти не просматриваются. Наконец, в Сирии президент Б. Асад демонстрирует способность сохранять всю полноту власти, несмотря на тяжелейшие экономические условия.

Такая пестрая картина политических систем и режимов для Ближнего Востока принципиально нова. Вместе с тем она, как видно, похожа на общерегиональную ситуацию своей зыбкостью, переходностью и видимой неустойчивостью. Эти зыбкость и неустойчивость усиливаются не только из-за специфического состояния международных отношений, но и вследствие особенностей социально-политической обстановки. Отмеченное в тунисском и алжирском случаях отчуждение общества от государства характерно и для других стран. Именно серьезные социальные, экономические и политические разрывы, по всей видимости, заставляют элиты региона прилагать специальные усилия для поиска консолидирующих идеологий. Если в случае с монархиями Персидского залива их роль играют амбициозные стратегии национального развития [Мелкумян, 2019], предлагающие населению образ прекрасного будущего и в некоторых случаях прямо говорящие о ценности национального единства¹⁵, то в других ту же консолидирующую функцию выполняет обращение к теме национализма. Так, широко распространенным египетским лозунгом становится «Наша общая цель — построение современного Египта». В Алжире это утверждение национального единства осуществляется посредством обращения к памяти о колониализме [Monciaud, 2021], в Марокко — через подпитывание ирредентистских

¹⁵ Ру'яя Катар аль-ваганийя 2030 [Национальное видение Катара 2030] // Planning and Statistics Authority. Доступ: https://www.psa.gov.qa/ar/qnv1/Documents/QNV2030_Arabic_v2.pdf#page=13 (дата обращения: 01.12.2022). (In Arabic); Bahrainouna. Available at: https://www.youtube.com/channel/UCWhfGUcbax_ySeDvaUzasKA (accessed: 01.12.2022). (In Arabic); Vision Oman 2040 // Arab National Development Planning Portal. January 2019. Available at: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/oma201987.pdf> (accessed: 10.02.2023); Ру'айа 2030. Ал-Мамлака ал-'арабийи ас-са'удийа [Видение-2030. Королевство Саудовская Аравия] // Vision 2030. Доступ: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 16.07.2022). (In Arabic.)

настроений¹⁶. В целом же можно отметить, что остававшиеся во многих странах региона доминантой общественно-политической жизни в 2010-е годы дискуссии об идентичности и цивилизационном выборе в 2020-е годы сменились повсеместным стремлением к достижению национального согласия на узконационалистической основе. Это в свою очередь означает частичное снижение значимости общей арабской культурно-национальной идентичности, на протяжении десятилетий компенсировавшей слабость механизмов политической и экономической интеграции.

Другим механизмом компенсации в те же годы оставалось представление о принадлежности той или иной страны к исламскому миру, находившее политическое выражение во многом через многообразные организации политического ислама. Проблема заключается в том, что обозначившийся было в 2011 г. успех этого механизма оказался совсем недолгим. Так, хотя в том или ином виде умеренные исламистские и салафитские силы были интегрированы во все политические системы региона (где-то институционально, где-то нет), за исключением Сирии и ОАЭ, нигде они не стали доминирующими, но везде вынуждены были перейти от глобальной исламской повестки к национальной.

С этими не только политическими, но и ценностно-смысловыми изменениями в регионе БВСА связано появление нового тренда, в «статье-2018» не фигурировавшего, но, судя по событиям 2022 г., вполне способного стать одним из доминирующих в среднесрочной перспективе. Речь идет о *трансформации колониальности* (или, как некоторые эксперты говорили еще недавно, *деколониальном повороте*), органично сочетающейся с идеей прекращения интеллектуальной глобализации. Показательно, что в последнее время российские авторы активно разрабатывают эту тему, часто пытаются интерпретировать ее по-новому [Фитуни, Абрамова, 2020; Энтин и др., 2019; Глостанова, 2007, 2020].

Отсутствие упоминания этого мегатренда в «статье-2018» отчасти объясняется тем, что тогда проблема деколонизации еще не принадлежала, как отмечали многие эксперты, к «мейнстриму современного политического дискурса». Вместо нее в фокусе внимания, особенно

¹⁶ El Bouzdani W. Le Sahara oriental de nouveau dans l'actualité: La frontière de l'arbitraire [Eastern Sahara is back in the news: The border of arbitrariness] // MarocHebdo. 03.03.2023. Available at: <https://www.maroc-hebdo.press.ma/sahara-oriental-frontiere-arbitraire> (accessed: 05.03.2023). (In French.)

в западной академической литературе, была «тематика модернизации, европеизации, вестернизации, демократизации, догоняющего развития и встраивания в глобализацию» [Энтин и др., 2019: 124–125]. Однако сейчас в экспертной среде всё чаще признают тот факт, что вместо ожидаемого ослабления рудиментов колониальности в последние годы шел процесс их оживления и даже усиления элементов неокOLONIALИЗМА в форме открытого и явного принуждения. Так, в целях оказания давления на более слабых партнеров или конкурентов государства коллективного Запада во главе с США стали всё более активно использовать весьма обширный репертуар средств, включающий экономические санкции, разного рода провокации, инспирирование заговоров и прямые угрозы применения силы.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что происходило и одновременное усиление противоположных тенденций, и это позволяет говорить о неоднозначности указанного мегатренда. Рост субъектности и стремления к суверенности и независимости практически во всех бывших зависимых государствах, теперь явственнее, чем прежде, сопротивляющихся давлению, заметен на всех континентах. В качестве примера можно привести нефтяную политику Саудовской Аравии.

* * *

Сопоставляя наблюдаемые сегодня тренды с тем, о чем говорилось в «статье-2018» и в публикациях по неомодерну, можно попытаться спрогнозировать некоторые направления развития ситуации на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе. Разумеется, при этом следует принимать во внимание тот факт, что, пожалуй, наиболее существенной методологической проблемой прогнозирования остается сегодня необходимость оценки масштабов тех явлений, с которыми мы имеем дело, и определения, какие из выделенных тенденций носят конъюнктурный характер, а какие — фундаментальный. По большому счету, успех здесь никогда не может быть гарантирован.

Тем не менее можно с большей или меньшей долей уверенности утверждать, что все те факторы, которые позволяли до сих пор говорить о существовании специфического феномена — региона БВСА, сегодня могут быть поставлены под сомнение. В то же время нарастающее движение ряда ближневосточных государств к укреплению суверенитета в самых разных областях — от военно-политической до

ценностной и культурной, а также провал стратегий модернизации по западному образцу и выраженное стремление к поиску альтернативных путей развития в совокупности с размыванием дихотомии авторитаризма и демократии и ростом политического многообразия указывают на то, что желание стран БВСА дистанцироваться от Запада не только сохранится, но, возможно, и усилится.

Такое дистанцирование, по всей видимости, должно быть связано с новым запросом на идеологию, которая, впрочем, будет пониматься во многом инструментально и ограниченно (не так, как понималась в XX в., но скорее так, как понимается уже сегодня в арабских монархиях Персидского залива). Сегодня на этот запрос отвечает обращение к страновому национализму, однако оно объективно способствует еще большему размежеванию государств региона перед лицом внерегиональных акторов. В случае усиления их давления (через продолжение политики «демократизации» или экономический экспансионизм) эти партикуляристские националистические устремления, вероятно, могут быть уравновешены новыми объединительными концептами, в том числе антиколониальным.

Такая ситуация будет в свою очередь вести к повышению роли символической политики, особенно в зонах конфликтов, новым «войнам памяти» и политической инструментализации истории, подчас нетривиальной. Некоторые подобные тенденции видны уже сегодня. Так, сирийское Министерство вакфов, разрабатывая собственную религиозную доктрину (так называемый *фикх аль-азма*, или фикх кризиса), называет идеологию ваххабизма фашистской. Такая необычная для исламского религиозного дискурса характеристика позволяет описывать адептов этой идеологии как воплощение абсолютного зла. На другом конце арабского мира Марокко и Алжир оказываются втянуты в громкий скандал из-за использования орнамента мишуар в форме алжирских спортсменов, которые должны были выступать на чемпионате мира по футболу в Катаре. При этом ни то обстоятельство, что алжирская сборная в Катар не поехала, ни то, что этот орнамент был позаимствован из расположенного сегодня на алжирской территории дворца в Тлемсене, скандалу не препятствовали: с марокканской точки зрения, тлемсенское наследие принадлежит исключительно Алауитскому королевству.

Выход на первый план проектов укрепления государственности и национальной консолидации наиболее вероятен в странах с высокой экономической состоятельностью, а также, возможно, в пере-

живающих постконфликтное восстановление, где запрос общества к элитам остается достаточно скромным и ограничивается в основном обеспечением безопасности. Однако в других государствах (Алжире, Тунисе, Ливане, Ираке) объективная база для такого рода стратегии довольно узка, а значит, риски их дестабилизации могут усилиться.

С этим связана угроза возобновления конфликтности и формирования новых очагов противостояния. Помимо ценностно-идеологических факторов этому будут способствовать и некоторые объективные обстоятельства: неурегулированность прежних конфликтов, высокая милитаризация населения, экономические кризисы, ресурсный дефицит и др.

В то же время в тех странах, где избежать негативных сценариев удастся, а также в успешных государствах, по всей видимости, сохранится и усилится курс на усложнение и гибридизацию политических систем, что в целом должно вести к их укреплению. Так, в монархиях ССАГПЗ с высокой вероятностью будет появляться больше современных институтов государственного управления, а в ряде республик могут усилиться традиционные элементы осуществления власти. И то, и другое должно, по идее, стать механизмом преодоления отчужденности общества и государства.

Наконец, в условиях распада регионального единства на историческую авансцену вполне могут выйти единства субрегиональные, особенно это верно для тех случаев, где взаимодействие на уровне субрегиона обеспечивается экономической взаимодополняемостью государств и/или необходимостью создания общих механизмов безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабский кризис и его международные последствия / Под ред. А.М. Васильева, А.Д. Саватеева, Л.М. Исаева. М.: URSS, 2014.

2. Барановский В.Г. Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI вв. // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 201–243.

3. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.

4. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2022.

5. Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319.

6. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2. С. 30–58.

7. Звягельская И.Д. Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности? // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2.

8. Кузнецов В.А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств // Восток (Oriens). 2020. № 2. С. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1.

9. Кузнецов В.А. Избирательные процессы и уличные протесты в Алжире XXI века: особенности алжирской политической культуры // История. 2022. Т. 13. № 12 (122). Часть I. DOI: 10.18254/S207987840023902-1.

10. Кузнецов В.А. Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс // Восточный курьер. 2020. № 3–4. С. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9.

11. Кузнецов В.А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 2. С. 9–38.

12. Матвеев И.А. Политэкономия Сирии в конфликте: В 2 т. Т. 1: Битва за выживание. М.: Институт востоковедения РАН, 2022.

13. Мелкумян Е.С. Кувейт: внутривосточная ситуация после Арабской весны // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0.

14. Мелкумян Е.С. Стратегии развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 601–610.

15. Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба — Сахеля: взгляд через призму теорий символической политики и социального движения // Ближний Восток в мировой политике и культуре: избранные статьи, лекции, доклады. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 352–375.

16. Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / Отв. ред. Е.А. Канаев. СПб.: Алетейя, 2020.

17. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

18. Глостанова М.В. Критика западного образца глобализации в деколониальном проекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2007. № 1. С. 5–13.

19. Глостанова М.В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 66–84.

20. Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

21. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.03.

22. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004.

23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 124–135. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.09.

24. Monciaud D. Le ‘rapport Stora’: Un premier débat sur les enjeux mémoriels // Cahiers d’histoire. Revue d’histoire critique. 2021. Vol. 149. P. 137–161. DOI: 10.4000/chrhc.16509.

25. Naumkin V. Non-West model: Is there such a thing as a civilization state? // Social Sciences. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 50–64. DOI: 10.21557/SSC.66175049.

26. Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between pen and rifle. Lanham, Boulder, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2005.

27. Rutherford B.K. Egypt’s new authoritarianism under Sisi // Middle East Journal. 2018. Vol. 72. No. 2. P. 185–208. DOI: 10.3751/72.2.11.

28. Zoubir Y. The Algerian-Moroccan rivalry: Constructing the imaged enemy // Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa / Ed. by I. Mansour, W.R. Thompson. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2020. P. 179–200.

REFERENCES

1. Vasil’ev A.M., Savateev A.D. (eds.). 2014. *Arabskii krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya* [The Arab crisis and its international consequences]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

2. Baranovskii V.G. 2016. Transformatsiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe XX i XXI vv. [Transformation of the international relations system at the turn of the 20th and 21st centuries]. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.). *Politicheskaya nauka pered vyzovami global’nogo i regional’nogo razvitiya*

[Political studies and the challenges of global and regional development]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 201–243. (In Russ.)

3. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in the changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)

4. Zvyagel'skaya I.D. (ed.). 2022. *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e: interesy i ambitsii* [The struggle for the Eastern Mediterranean. Interests and ambitions]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

5. Valiakhmetova G.N., Tsukanov L.V. 2022. Tsifrovoy vyzov dlya arabskogo mira: faktor integratsii ili differentsiatsii? [Digital challenge for the Arab world: Integration or differentiation factor?]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 2, pp. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319.

6. Voskresenskii A.D. 2012. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh pod-sistem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremen-nykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary international relations]. *Comparative Politics*, vol. 3, no. 2, pp. 30–58. (In Russ.)

7. Zvyagel'skaya I.D. 2021. Arabo-izrail'skoe sblizhenie: v poiskakh novoi normal'nosti? [The Arab-Israeli rapprochement: A search for new normality?]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2. (In Russ.)

8. Kuznetsov V.A. 2020a. Arabskie obshchestva epokhi neomoderna: poisk novykh edinstv [Arab societies of neomodernity: Seeking for new unities]. *Vostok (Oriens)*, no. 2, pp. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1. (In Russ.)

9. Kuznetsov V.A. 2022. Izbiratel'nye protsessy i ulichnye protesty v Alzhire XXI veka: osobennosti alzhirskoi politicheskoi kul'tury [Electoral processes and street protests in 21st century Algeria: Features and traits of Algerian political culture]. *Istoriya*, vol. 13, no. 12 (122), part 1. DOI: 10.18254/S207987840023902-1. (In Russ.)

10. Kuznetsov V.A. 2020b. Kontseptsiya neomoderna: novye ramki politicheskogo bytiya. Blizhnevostochnyi keis [Neomodernity: A new framework for political reality. The Middle Eastern case]. *Oriental Courier*, no. 3–4, pp. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9. (In Russ.)

11. Kuznetsov V.A. 2019. Ot Okeana do Zaliva: identichnost' odnogo regiona v usloviyakh neomoderna [From the Ocean to the Gulf: One region's identity in the context of neomodernity]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 11, no. 2, pp. 9–38. (In Russ.)

12. Matveev I.A. 2022. *Politekonomiya Sirii v konflikte: V 2 t. T. 1: Bitva za vyzhivanie* [The political economy of Syria in conflict: In 2 vols. Vol. 1: The battle for survival]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

13. Melkumyan E.S. 2021. Kuveit: vnutripoliticheskaya situatsiya posle Arab-skoj vesny [Kuwait: Internal political situation after the Arab spring]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0. (In Russ.)

14. Melkumyan E.S. 2019. Strategii razvitiya arabskikh monarkhii Zaliva: osnovnye priority [Strategy of development of the Arab Gulf monarchies: Major priorities]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 26, pp. 601–610. (In Russ.)

15. Naumkin V.V. 2011. 'Alzhirskii tranzit' v zone Magriba — Sakhelya: vzglyad cherez prizmu teorii simvolicheskoi politiki i sotsial'nogo dvizheniya ['Algerian transit' in the Maghreb-Sahel zone: A look through the lens of theories of symbolic politics and social movement]. In: *Blizhnii Vostok v mirovoi politike i kul'ture: izbrannye stat'i, leksii, doklady* [The Middle East in world politics and culture: Selected papers, lectures, reports]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., pp. 352–375. (In Russ.)

16. Kanaev E.A. (ed.). 2020. *Regiony v sovremennom mire: globalizatsiya i Aziya. Zarubezhnoe regionovedenie* [Regions in the modern world: Globalization and Asia. Foreign regional studies]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ. (In Russ.)

17. Timofeev I.N. 2018. Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (59), pp. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. (In Russ.)

18. Tlostanova M.V. 2007. Kritika zapadnogo obraztsa globalizatsii v dekolonial'nom proekte [The critique of the Western image of globalization in decolonial project]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.)

19. Tlostanova M.V. 2020. Postkolonial'nyi udel i dekolonial'nyi vybor: post-sotsialisticheskaya mediatsiya [The postcolonial condition and the decolonial option: A postsocialist mediation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 66–84. (In Russ.)

20. Truevtsev K.M. 2020. *Globalizatsiya i arabskii mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti* [Globalization and the Arab world: Before and after two waves of turbulence]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

21. Fituni L.L., Abramova I.O. 2020. Politicheskaya teoriya dekolonizatsii: imperativy sovremennogo prochteniya [Political theory of decolonization: Essentials of modern reading]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 26–40. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.03. (In Russ.)

22. Hobsbawm E.J. 1994. *Age of extremes: The short twentieth century, 1914–1991*. Michael Joseph [Russ. ed.: Khobsbaum E. 2004. Epokha krainostei: korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991). Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ.].

23. Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A. 2019. Novyi etap dekolonizatsii: ot formal'noi suverenosti k real'noi [New phase of decolonization: From formal sovereignty to real one]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 124–135. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.09. (In Russ.)

24. Monciaud D. 2021. Le ‘rapport Stora’: Un premier débat sur les enjeux mémoriels [The ‘Stora report’: A first debate on memorial issues]. *Cahiers d’histoire. Revue d’histoire critique*, vol. 149, pp. 137–161. DOI: 10.4000/chrhc.16509. (In French.)

25. Naumkin V. 2021. Non-West model: Is there such a thing as a civilization state? *Social Sciences*, vol. 52, no. 1, pp. 50–64. DOI: 10.21557/SSC.66175049.

26. Naumkin V. 2005. *Radical Islam in Central Asia: Between pen and rifle*. Lanham, Boulder, Oxford, Rowman & Littlefield Publishers Inc.

27. Rutherford B.K. 2018. Egypt’s new authoritarianism under Sisi. *Middle East Journal*, vol. 72, no. 2, pp. 185–208. DOI: 10.3751/72.2.11.

28. Zoubir Y. 2020. The Algerian-Moroccan rivalry: Constructing the imaged enemy. In: Mansour I., W.R. Thompson (eds.). *Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa*. Washington, D.C., Georgetown University Press, pp. 179–200.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования
19.03.2023; принята к публикации 02.05.2023

The paper was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 19.03.2023;
accepted for publication 02.05.2023